

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается проблема социальной ответственности, которая в последнее время начинает приобретать в философии категориальный статус. Автор рассматривает понятие «ответственность» сквозь призму этических категорий (нравственность, долг, добро и зло, свобода), способствующих формированию личности. Особое внимание уделяется рассмотрению ответственности ученого в современном мире.

Проблема социальной ответственности становится все более актуальной в философских исследованиях и дискуссиях последних десятилетий. В конце XX века к проблеме ответственности подошли с более серьезных и глубоких позиций исследования, и это отражено в «Новой философской энциклопедии», где понятие «ответственность» понимается как «отношение зависимости человека от чего-то (от иного), воспринимаемого им (ретроспективно или перспективно) в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий, прямо или косвенно направленных на сохранение иного или содействие ему»¹. Таким образом, ответственность, обусловленная статусом, осознается человеком как призвание, а обусловленная соглашением – как обязанность.

Проблема ответственности в настоящее время становится одной из центральных проблем в социальной философии. Так, ответственность социального субъекта многие философы рассматривают как главный фактор социализации. Быть социализованным – это значит быть ответственным за все происходящее в этом мире, в бытии в целом и в обществе в частности. В обычной повседневной жизни каждому из нас приходилось быть когда-нибудь за что-нибудь ответственным. Актуальность данной проблематики обусловлена рядом причин, среди которых можно выделить увеличение масштабов и мощи воздействия человека на природу и социум, глобальный характер последствий принимаемых решений, осознание необратимости социальных процессов и невосполнимости большинства жизненно важных ресурсов. Несмотря на разнообразие причин, думается, что во многом они имеют единое основание – усиление «технизации» жизнедеятельности.

Таким образом, выдвигание проблемы ответственности на первый план в различных исследованиях и помещение ее в фокус рассмот-

рения достаточно разнообразной проблематики позволило некоторым философам сделать достаточно смелые выводы. Так, например, немецкий философ Ханс Йонас утверждает, что на смену «человеку разумному» должен прийти «человек ответственный», а американский философ Джон Лэдд предлагает рассмотреть ответственность в качестве сущностной характеристики человека, т. е. люди – это лица, отдающие себе отчет в своих действиях, и лица, ответственные за последствия своих действий.

Таким образом, понятие «ответственность» можно рассматривать с двух точек зрения. С юридической точки зрения ответственность – это отношение к власти, а с философской – ответственность рассматривается сквозь призму этических категорий – мораль (нравственность), долг, добро и зло, свобода.

Ответственность напрямую связана с совестью, поэтому целесообразно рассмотреть такой феномен, как совесть. Совесть понимается как «личное дело», основа внутреннего достоинства человека, и общественно значимой она является уже потому, что неразрывно связана с ответственностью. Следовательно, совесть должна удерживать человека от причинения зла, но просыпается она тогда, когда человек уже совершил нечто злое. Но перед принятием решения человек все-таки полагается на совесть предупреждающую, признаками которой выступают «придирчивость» и «скрупулезность». Совесть не «просыпается» в человеческой душе, а представляет собой изначальные интеллектуальные и моральные задатки, «написанные в сердцах». Ответственность наступает при осознании, что ход нашей жизни зависит от нас, что мы один на один со своей жизнью.

Совесть также имеет социальный аспект ответственности, который заключается в следующем: человеку приходится выбирать одну линию из альтернатив, за каждой из которых

¹ Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. С. 171-172.

стоят мощные побуждения, часть из которых порождены симпатией. Сознание мучительно напряжено, и когда решение принято, человек испытывает особого рода ощущения, которые мы называем чувством долга, решимости и правоты. Наше мышление – это всегда своего рода воображаемые беседы (это становится особенно очевидным в минуты самых напряженных раздумий). С другой стороны, люди, моральная жизнь которых протекает спокойно, слабо или вовсе не чувствуют разницы между оценками совести. Следовательно, совесть выступает как голос более глубокой рациональности. Идти против совести – значит действовать в состоянии суженного и фрагментарного сознания. Это, в свою очередь, означает, что человек начинает утрачивать целостность своей личности, рассыпается на части. Дурной и невоздержанный поступок вызывает раскаяние из-за того, что ему просто нет места в системе выработанных представлений.

Для индивида, размышляющего над собственным поведением, его совесть – единственно возможный руководящий принцип, хотя и отличается от совести других людей, для него она – истина последней инстанции. Изменить ей – значит совершить моральное самоубийство. Продолжая свои размышления о поведении вообще, индивид может прийти к выводу, что его моральные представления основаны на некотором коллективном понятии совести, по отношению к которому его собственная совесть выступает как один из элементов целого. И на фоне этого целого всякая иная совесть, противоречащая его собственной, например совесть преступника, выглядит как искаженная. Но при всей широте своих взглядов человек не может предпринять ничего, не сверившись со своей совестью.

Публичный характер нашего поведения оказывает дополнительное и сильное влияние на нашу совесть. Благоприятно это для нее или нет – зависит от самого социального окружения. В спектр рассмотрения социальных аспектов совести входит важная проблема, касающаяся дегенерации личности, ставшая особенно актуальной в условиях современной России, так как вопрос о дегенерации личности является формой вопроса о правильном и неправильном и в конечном счете определяется совестью. Дегенерата можно определить как человека, чьи личные качества находятся значительно ниже господствующих моральных стандартов дан-

ной группы. Сознание по природе своей вырабатывает представления о правильном и неправильном в отношении всего того, на что направлена его избирательная активность. У этого процесса имеется как коллективный, так и индивидуальный аспект, так что не только каждый человек, но и вся группа имеет свои предпочтения и антипатии, свои представления о хорошем и плохом. Процесс выбора и организации, который представляет собой всю нашу жизнь, и особенно жизнь интеллектуальную, предполагает такое различие; оно является лишь формулировкой универсального факта предпочтения.

Дегенерация возникает исключительно при определенном отношении между личностью и остальной группой. Независимо от того, какие интеллектуальные и физические особенности вызывает это отношение, они в любом случае предполагают непригодность к нормальной деятельности в обществе. Единственным ощутимым критерием в такой ситуации является реально успешная и адекватная социальная деятельность личности, и особенно устойчивое отношение к человеку со стороны группы.

Поскольку совесть – это просто наиболее совершенный продукт организованного сознания, для нее характерны те же дефекты, что и для сознания в целом. Можно предположить, что при острых формах идиотизма в сознании нет никакой системы, которая могла бы стать истоком совести.

Например, у неуравновешенного человека совесть имеется, но она неустойчива в своих оценках, власть ее слаба, а усилия кратковременны. У таких людей голос совести – это главным образом лишь эхо их мимолетных эмоций, ибо долгосрочный внутренний синтез им не по силам. И даже этот голос, заглушенный потоком импульсивных переживаний, они часто не слышат, и их поведение вообще лишено рационального контроля. На людей такого типа благоприятно действует угроза наказания. На помощь приходит мысль о сильных страданиях, ассоциирующаяся у них с дурными поступками, от которых их может удержать только сильный страх. Кроме того, эти люди, с их горячим желанием избежать мук внутреннего разлада и метаний, склонны слепо подчиняться догмам и внешнему влиянию. Таким образом, вопрос об ответственности или безответственности касается связи воображения и личной идеи. Считать человека подлежащим ответственности значит

мысленно представить его во всем подобным себе с теми же самыми побуждениями. Мы представляем себе, что поступаем так же, как и он, находим поступок неправильным и вменяем это ему в вину. Человеком, не подлежащим ответственности, считается тот, кто рассматривается нами как существо совершенно иного рода, не отвечающее требованиям человеческого поведения, на месте которого невозможно представить себя и даже невозможно питать к нему чувство неприязни.

Следовательно, мы не можем прекратить обвинять других без того, чтобы прекратить обвинять себя.

Какое же практическое значение для проблемы ответственности имеет та точка зрения, что истоки зла следует искать не столько в личной воле конкретного человека, сколько в механизмах биологического и социального наследования? Такой взгляд не снижает уровня человеческой ответственности, но меняет наше представление о ее характере, заставляя видеть в ней органичное целое, включающее в себя все индивидуальные воли, сопричастные злу. Такой подход возлагает ответственность на большее число людей и смягчает, но не отменяет полностью вину непосредственных правонарушителей. Если, например, подросток будет пойман на краже стройматериалов из строящегося дома, судья по делам несовершеннолетних прежде всего обвинит именно его, но, не ограничившись лишь этим, вызовет в суд и лидера дворовой компании, который показал ему дурной пример, и родителей, которые не сумели воспитать его надлежащим образом, а также выскажет порицание школьному руководству, не сумевшему занять его свободное время чем-то более интересным и полезным. Любое исследование косвенных причин преступления приводит к возложению все большей и большей ответственности на тех, кто обладает благосостоянием и образованием, а значит, способен изменить к лучшему общее положение дел. Невозможно не видеть, как мало толку от порицания и наказания тех, кто воспитывался в аморальной среде, главная надежда на их исправление заключается в том, чтобы пробудить совесть и тех, кто способен искоренить эту среду, а тем самым и зло в самом зародыше.

Теперь рассмотрим профессиональную ответственность в науке и технике как частное проявление совести отдельных общественных групп – сообщества ученых, инженеров, техников.

Итак, начнем рассмотрение профессиональной ответственности в технике как одной из главных проблем современного общества.

Тот факт, что никогда не существовало и до сих пор не создано четко разработанного этического кодекса для ученых, есть проявление сильного предубеждения против признания науки чем-то иным, нежели поиском беспристрастного знания, и против взгляда на знание как на что-то не являющееся всегда и только лишь благотворительным. Это не кажется верным, однако для «прикладного знания» и деятельности тех, кто добывает и использует его, с давних времен наука подлежала внешней (часто юридической) и внутренней (обычно этической) регуляции.

Различие между внешней и внутренней регуляцией может быть хорошо проиллюстрировано на примере такой группы технологов, как врачи. В древности на Среднем Востоке, за пределами греческой и римской культур, врачи регулярно подвергались юридическому контролю со стороны государства. Например, в греко-римском мире врачи разрабатывали свои собственные профессиональные стандарты, лучший из которых – клятва Гиппократова.

Инженеры, однако, до сих пор могли подражать этой модели лишь в весьма ограниченных рамках. В отличие от врачей инженеры редко могут сами предоставлять себе работу: ведь они зависят от признания уже установленными общественными организациями, например государственными и частными корпорациями. Врачи, напротив, нанимаются индивидами, чтобы помочь им достичь определенных целей. Инженеры нанимаются индивидуально уже сформировавшимися организациями, которые всегда имеют свои собственные организации для регулирования «текущих дел». Разобщенным инженерам трудно противостоять своему невыгодному организационному положению и выражать свои собственные профессиональные интересы и моральные стандарты.

Тем не менее велись и ведутся серьезные дискуссии в инженерной среде о необходимости разработать принципы профессионального поведения и этику социальной ответственности, поскольку технологическая власть, находящаяся в руках инженеров, крепнет. Оказывается, что только в тех случаях, когда определенная профессиональная группа обладает значительной технологической властью, вопрос о профессиональном этическом кодексе стано-

вится настоящим. На самом деле можно привести доводы в пользу того, что именно усиление влияния технической и технологической деятельности в таких областях, как уход за больными, журналистика и инженерия, привело к возникновению проблематики этической ответственности в каждой из этих областей.

Рассмотрим более детально случай с инженерией. Несмотря на свою непосредственную связь с властью, вопрос об ответственности в инженерии традиционно решался подчинением инженеров социальным организациям, политической или экономической власти которых значительно превосходила какую-либо техническую власть отдельных инженеров. Но возникает вопрос о том, что такое инженерия? В отличие от медицины, ориентирующейся на здоровье, или права, целью которого является справедливость, относительно инженерии не ясно, имеет ли она какой-либо внутренний, самостоятельный идеал. Первоначально инженером назывался тот, кто создавал тараны, катапульты и другие «машины войны». Инженерия была с самого начала своего возникновения и до конца XVII столетия преимущественно военной. Техническая власть инженера, как она ни велика, была значительно меньше организационной силы армии, слугой которой он являлся. Поведение инженера, как других военнослужащих, прежде всего диктовалось принципом поведения, его первейшая ответственность состояла в том, чтобы выполнять приказы.

Появление в XVIII веке гражданской инженерии связано с проектированием общественных работ, первоначально не изменило этой ситуации. Гражданская инженерия была просто военной инженерией мирного времени и все еще находилась в полном подчинении у государства. Последующее развитие механической, химической и электротехнической инженерии не повлияло ощутимым образом на ситуацию, ибо все эти области процветали в рамках уже установившихся коммерческих предприятий. Однако чему военная инженерия способствовала – так это поиску независимого идеала, который мог бы служить исходной точкой для инженерии, подобно тому, что имеют медицина и право, призванные сосредотачивать свою деятельность соответственно на здоровье и справедливости. И все же общее определение инженерии продолжает обнаруживать нечто такое, что легко можно истолковать как военное влияние. В качестве искусства направлять могучие

источники энергии природы для пользы и удобства человека инженерия остается простым средством без какого-либо внутреннего идеала, отличного от эффективности, и, таким образом, предполагает подчинение внешним социальным структурам.

Однако, когда техническая власть, находящаяся в руках инженеров, начала расти и число инженеров возросло, естественно, возникла напряженность в отношениях между подчиненными инженерами и стоящими над ними контролирующими органами, особенно в США. В середине 70-х годов XX века один американский инженер следующим образом охарактеризовал ситуацию с инженерами, подвергающимися нападкам за загрязнение окружающей среды, разработку и производство дефектных потребительских товаров и за стремление получать прибыль за счет оборонных контрактов. Прежде всего он признавал, что в отличие от ученых, которые всегда имеют возможность избежать ответственности, ссылаясь на то, что конечные результаты их фундаментальных исследований не являются легко предсказуемыми, цели инженерии обычно хорошо видны. Поскольку долгие годы инженерия претендовала на полное доверие благодаря достижениям техники и технологии, естественно, что общественность может теперь обвинять инженеров за ощущаемые сегодня заблуждения технологии.

Другими словами, инженеры выдали больше векселей своей ответственности, чем могли оплатить, и были справедливо наказаны. Виды ответственности инженеров на самом деле вполне ограничены. Они несут не общую ответственность за все, а лишь специфические и специальные ее формы.

Есть три формы, в которых может осуществляться ответственность инженеров за использование техники и за ее результаты. Первая форма – работа, вторая – это группы в технических обществах и третья – вынесение вопросов, ранее бывших компетенцией только специалистов, на публичное обсуждение в связи с угрожающими проблемами, вырастающими из деструктивных применений техники.

У нас нет иного выбора, как брать на себя ответственность и риск осуществлять разумно управляемый технический прогресс. Достоинство человека, помимо всего другого, состоит еще и в том, чтобы быть ответственным перед другими, перед зависящими от него существами и мудро распоряжаться своим техническим

могуществом. До начала нашего века человек как homo faber, как техник и мастер в своем творчестве способствовал прогрессу, создавая многие высокие блага для общества и личности, укрепляя у человека осознание исторической перспективы и оптимизма. И мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы вооруженный современной наукой и техникой человек не утратил этого своего высокого призвания.

Теперь рассмотрим профессиональную ответственность в науке как одну из главных проблем современного общества.

Дискуссии о социальной ответственности ученых могут рассматриваться как попытки соединить две по-иному не сопоставимые традиции, касающиеся соотношения науки и общества. Первая и старшая из традиций рассматривает науку как внутренне ограниченную форму знания, опирающегося на более низкий уровень реальности, в качестве потенциальной угрозы социальному порядку на уровне мышления и практики, из чего следует ответственность ученых. Второй и более полный подход предполагает, что наука глубже соотносена с истиной и поэтому при любых условиях существенно полезна для общества при должной ответственности ученых.

В отличие от профессиональной социальной ответственности ученых реализуется во взаимоотношениях науки и общества. Поэтому ее можно характеризовать как социальную этику науки. При этом следует иметь в виду, что в реальной жизни ученых проблемы профессиональной и социальной их ответственности бывают тесно переплетены между собой.

Интерес к проблемам социальной ответственности ученых возник не сегодня и имеет глубокие исторические корни. Однако в последние 20-25 лет эта область изучения науки предстала в совершенно новом свете. На протяжении веков, со времени зарождения научного познания, вера в силу разума сопровождалась сомнением: как будут использованы его плоды? Является ли знание силой, служащей человеку, и не обернется ли оно против него?

Вопросом о соотношении истины и добра задавалась и античная философия. Уже Сократ исследовал связь между знанием и добродетелью. Сократ учил, что по природе своей человек стремится к лучшему, а если творит зло, то лишь по неведению, тогда, когда не знает, в чем состоит истинная добродетель. Тем самым познание оказывалось, с одной стороны, необхо-

димым условием благой жизни, а с другой – одной из ее составных частей. Вплоть до нашего времени такая высокая оценка познания, впервые обоснованная Сократом, оставалась и остается в числе основоположений, на которые опирается европейская культура.

Это не значит, что сократовское решение вопроса не подвергалось сомнению. Так, уже в Новое время, в XVIII веке, Ж.Ж. Руссо выступает с утверждением о том, что развитие науки ни в коей мере не способствует нравственному прогрессу человечества.

В последующей истории философской мысли выдвигались различные трактовки того, что именно есть знание и чем должен направляться процесс познания. Могли меняться те практические акценты, с которыми связывалась необходимая благодать истины.

И сегодня, когда социальные функции науки быстро умножаются и разнообразятся, когда непрерывно увеличивается число каналов, связывающих науку с жизнью общества, обсуждение этических проблем науки остается одним из важных способов выявления ее изменяющихся социальных и ценностных характеристик. Однако нынешние попытки дать недифференцированную, суммарную этическую оценку науке как целому оказываются – независимо от того, какой бывает эта оценка, положительной или отрицательной, – все менее достаточными и конструктивными. Те стадии развития науки и социально-культурного развития, когда можно было оспаривать необходимость самого существования науки как социального института, ушли в прошлое. Из сказанного отнюдь не следует, что наука больше вообще не может быть объектом этической оценки, что единственная оставшаяся перед людьми перспектива – это слепо поклоняться научно-техническому прогрессу, по возможности адаптируясь к его многочисленным и не всегда благоприятным последствиям. Вопрос в том, что такая оценка должна быть более дифференцированной, относящейся не столько к науке в целом, сколько к отдельным направлениям и областям научного знания. Именно здесь морально-этические суждения ученых и общественности не только могут играть, но действительно играют серьезную роль.

Большую роль в привлечении внимания общественности к последствиям применения политехнических достижений сыграло экологическое движение, остро проявившееся с начала

60-х годов. В то время в общественном сознании пробуждается беспокойство в связи с растущим загрязнением среды обитания и истощением естественных ресурсов планеты, общим обострением глобальных проблем. Именно социальная ответственность ученых явилась тем исходным импульсом, который заставил сначала их, а затем и общественное мнение осознать серьезность ситуации, угрожающей будущему человечества. Социальная ответственность ученого оказывается одним из факторов, определяющих тенденции развития науки.

Следовательно, среди областей научного знания, в которых особенно остро и напряженно обсуждаются вопросы социальной ответственности ученого и нравственно-этической оценки его деятельности, особое место занимают геновая инженерия, биотехнология, биомедицинские и генетические исследования человека; все они довольно близко соприкасаются между собой. Именно развитие геновой инженерии привело к уникальному в истории науки событию, когда в 1975 году ведущие ученые мира добровольно заключили мораторий, временно приостановив ряд исследований, потенциально опасных не только для человека, но и для других форм жизни на нашей планете.

Мораторию предшествовал резкий рывок в исследованиях по молекулярной генетике. Перед учеными открылись перспективы направленного воздействия на наследственность организмов, вплоть до инженерного конструирования организмов с заранее заданными свойствами.

Начались обсуждения и даже поиски возможностей практического осуществления таких процессов и процедур, как получение в неограниченных количествах ранее труднодоступных медикаментов (включая инсулин, человеческий гормон роста, многие антибиотики); придание сельскохозяйственным растениям свойств устойчивости к болезням, паразитам, морозам и засухам, а также способности усваивать азот прямо из воздуха, что позволило бы отказаться от производства и применения дорогостоящих азотных удобрений; избавление людей от некоторых тяжелых наследственных болезней путем замены патологических генов нормальными (геновая терапия). В короткие сроки геновая инженерия прошла путь от фундаментальных исследований до промышленного и вообще практического применения их результатов.

Однако другой стороной этого прорыва в области генетики явились тающиеся в нем потенциальные угрозы для человека и человечества. Даже простая небрежность экспериментатора или некомпетентность персонала лаборатории в мерах безопасности могут привести к непоправимым последствиям. Еще больший вред методы геновой инженерии могут принести при использовании их всякого рода злоумышленниками или в военных целях. Опасность обусловлена прежде всего тем, что организмы, с которыми чаще всего проводятся эксперименты, широко распространены в естественных условиях и могут обмениваться генетической информацией со своими «дикими» сородичами. В результате подобных экспериментов возможно создание организмов с совершенно новыми наследственными свойствами, ранее не встречавшимися на Земле и эволюционно не обусловленными.

Такого рода опасения и заставили ученых пойти на столь беспрецедентный шаг, как установление добровольного моратория. То есть проявление чувства социальной ответственности, обеспокоенности выступает в качестве не только общественно приемлемой, но и общественно признаваемой и, более того, общественно стимулируемой формы поведения ученых. Позднее, после того как были разработаны чрезвычайно строгие меры безопасности при проведении экспериментов (в их числе – биологическая защита, то есть конструирование ослабленных микроорганизмов, способных жить только в искусственных условиях лаборатории) и получены достаточно достоверные оценки риска, связанного с проведением экспериментов, исследования постепенно возобновлялись и расширялись. Однако некоторые наиболее рискованные типы экспериментов до сих пор остаются под запретом.

Тем не менее дискуссии вокруг этических проблем геновой инженерии отнюдь не утихли. Человек, как отмечают некоторые участники, может сконструировать новую форму жизни, резко отличную от всего нам известного, но он не сможет вернуть ее назад, в небытие. «Имеем ли мы право, – спрашивал один из творцов новой генетики, американский биолог Э. Чаргафф, – необратимо противодействовать эволюционной мудрости миллионов лет ради того, чтобы удовлетворить амбиции и любопытство нескольких ученых? Этот мир дан нам взаймы, мы приходим и уходим; и с течением времени

мы оставляем землю, воздух и воду тем, кто приходит после нас»².

Порой в этих дискуссиях обсуждаются достаточно отдельные, а то и просто утопические возможности (типа искусственного конструирования человеческих индивидов), которые могут открыться с развитием генетики. Ныне такого рода опасения вызывают опыты по клонированию (получению живого существа, в том числе человеческого, из живой клетки). И такая дискуссия объясняется тем, что возможности, предоставляемые генетикой, заставляют людей во многом по-новому или более остро воспринимать такие вечные проблемы, как свобода человека и его предназначение. Перспективы, открываемые генетикой, начинают оказывать влияние на нас уже сегодня, заставляя задуматься, например, над тем, хотим ли мы и должны ли хотеть клонального размножения (получения неограниченного числа генетически идентичных копий) людей. И современным людям приходится более пристально всматриваться в самих себя, чтобы понять, чего они хотят, к чему стремятся и что считают неприемлемым.

Развитие геномной инженерии и близких ей областей знания заставляет во многом по-новому осмысливать и тесную связь свободы и ответственности в деятельности ученых. На протяжении веков многим из них не только словом, но и делом приходилось утверждать и отстаивать принцип свободы научного поиска перед лицом догматического невежества, фанатизма суеверий, просто предубеждений. Ответственность же ученого при этом выступала прежде всего как ответственность за получение и распространение проверенных и обоснованных знаний, позволяющих рассеивать мрак невежества.

Что касается вопроса о свободе исследования, то здесь прежде всего необходимо отметить следующее. Хорошо известно, что современные фундаментальные исследования требуют совместного труда больших научных коллективов и сопряжены со значительными материальными затратами. Уже одно это накладывает неизбежные ограничения на свободу исследования.

Но не менее существенно и то, что нынешняя наука – вполне сформировавшийся и достаточно зрелый социальный институт, оказывающий серьезное воздействие на жизнь общества. Поэтому идея неограниченной свободы исследования, некогда бывшая прогрессивной, ныне уже не мо-

жет приниматься безоговорочно, без учета той социальной ответственности, с которой должна быть неразрывно связана эта свобода.

И еще одно принципиальное обстоятельство – само противопоставление свободы исследования как требования, идущего изнутри научной деятельности, и социальной ответственности как того, что налагается на эту деятельность извне и опирается на чрезмерное узкое понимание научной деятельности, ее мотивов и способов осуществления.

Наука также есть поиск истины. Но это именно искание, процесс, требующий усилий, а не созерцание где-то вне мира бытующей истины. Потому и путь к истине есть научная, но вместе с тем и человеческая деятельность, которую осуществляет человек как целое, а не те или иные абстрагированные от него способности или интересы.

Таким образом, вопрос о свободе исследований и тех обстоятельствах, которые в этой связи налагаются на ученых, весьма далек от окончательного решения, и в настоящее время здесь едва ли уместны какие-либо категорические заключения.

Но, как бы то ни было, идея неограниченной свободы исследования, которая была безусловно прогрессивной на протяжении многих столетий, ныне уже не может приниматься безоговорочно, без учета социальной ответственности, с которой должна быть неразрывно связана научная деятельность. Есть ведь ответственная свобода, и есть принципиально отличная от нее свободная безответственность, чреватая при современных и будущих возможностях науки весьма тяжелыми последствиями для человека и человечества.

Дело в том, что бурный, беспрецедентный по своим темпам и размаху научно-технический прогресс является одной из наиболее очевидных реальностей нашего времени. Наука колоссально повышает производительность общественного труда, расширяет масштабы производства. Она добилась ни с чем не сравнимых результатов в овладении силами природы. Именно на науку опирается сложный механизм развития, так что страна, которая не в состоянии обеспечить достаточно высокие темпы научно-технического прогресса и использования его результатов в самых разных сферах общественной жизни, обрекает себя на отсталость и зависимое, подчиненное положение в мире.

² Цит. по: Введение в философию / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2002. С. 569.

Вместе с тем наука выдвигает перед человечеством немало новых проблем и альтернатив. Еще в недавнем прошлом было принято безудержно восхвалять научно-технический прогресс как чуть ли не единственную опору общего прогресса человечества. Такова точка зрения сциентизма, то есть представление о науке, особенно о естествознании, как о высшей, даже абсолютной социальной ценности.

Сегодня многими столь же безоглядно отрицается гуманистическая сущность развития науки. Распространилось убеждение о том, что цели и устремления науки и общества в наши дни пришли в неустранимые противоречия, что этические нормы современной науки едва ли не противоположны социально-этическим нормам и принципам, а научный поиск давно вышел из-под морального контроля и сократовский постулат «знание и добродетель неразрывны» уже списан в исторический архив.

И надо сказать, что противники сциентизма апеллируют к вполне конкретному опыту современности. Можно ли, вопрошают они, говорить о социально-нравственной роли науки, когда ее достижения используются для создания чудовищных средств массового уничтожения, в то время как ежегодно множество людей умирает от голода? Можно ли говорить об общечеловеческой нравственности ученого, если чем глубже он проникает в тайны природы, чем честнее относится к своей деятельности, тем большую угрозу для человечества таят в себе ее результаты? Разве можно говорить о благе науки для человечества, если ее достижения нередко используются для создания таких средств и технологий, которые ведут к отчуждению, подавлению, оглуплению человеческой личности, разрушению природной среды обитания человека?

Научно-технический прогресс не только обостряет многие из существующих противоречий современного общественного развития, но и порождает новые. Более того, его негативные проявления могут привести к катастрофическим последствиям для судеб всего человечества. Сегодня уже не только произведения писателей-фантастов, авторов утопий, но и многие реальные события предупреждают нас о том, какое ужасное будущее ждет людей в обществе, для которого научно-технический прогресс выступает как самоцель, лишается «человеческого измерения».

Значит ли это, однако, что следует согласиться с антисциентизмом, с призывом остановить развитие науки и техники? Отнюдь нет. Если мы сегодня отчетливо убеждаемся в том, что знание далеко не всегда ведет к добродетели, то отсюда никоим образом не вытекает, будто путем к добродетели является невежество. Ж.Ж. Руссо идеализировал не испорченного цивилизацией человека первобытного общества, который жил якобы в согласии с самим собой и с природой. Подобная идеализация патриархальных устоев прошлого характерна и для многих современных противников научно-технического прогресса. Туман, который застилает их взор, обращенный в прошлое, увы, не позволяет им увидеть тех тягот, лишений, да и просто гнусностей, коих вполне хватало в патриархальной жизни. «Критика науки» игнорирует это.

При всей противоположности позиций сциентизма и антисциентизма они заключают в себе и нечто общее. Сциентизму свойственно слепое поклонение перед наукой, враждебность антисциентизма по отношению к науке также замешена на слепом, безотчетном страхе перед ней. Чего не хватает обеим этим позициям и что так необходимо сегодня не только ученому, но и каждому человеку, со всех сторон окруженному порождениями научно-технического прогресса, – рационального отношения к науке и научному мышлению.

Научно-технический прогресс как таковой, подобно любому историческому развитию, необратим, и всякие заклинания по этому поводу не в состоянии его остановить. Единственное, что они могут породить, – это накопление и закрепление отсталости, слаборазвитости в обществе, где такие заклинания преобладают над всем. Но это никоим образом не значит, что людям остается лишь безропотно подчиняться развитию науки и техники, по возможности приспособившись к его негативным последствиям. Конкретные направления научно-технического прогресса, научно-технические проекты и решения, затрагивающие интересы и ныне живущих, и будущих поколений – вот что требует широкого, гласного, демократического и вместе с тем компетентного обсуждения, вот что люди могут принимать либо отвергать своим волеизъявлением.

Этим и определяется сегодня социальная ответственность ученого. Опыт истории убедил нас, что знание – это сила, что наука открывает человеку источники невиданного мо-

гущества и власти над природой. Мы знаем, что последствия научно-технического прогресса бывают серьезными и далеко не всегда благоприятными для людей. Поэтому, действуя с осознанием своей социальной ответственности, ученый должен стремиться к тому, чтобы предвидеть возможные нежелательные эффекты, которые потенциально заложены в результатах его исследований. Благодаря своим профессиональным знаниям он подготовлен к этому предвидению лучше и в состоянии сделать это раньше, чем кто-либо другой. Наряду с этим социально ответственная позиция ученого предполагает, чтобы он максимально ши-

роко и в доступных формах оповещал общественность о возможных нежелательных эффектах, о том, как их можно избежать, ликвидировать или минимизировать. Только те научно-технические решения, которые приняты на основе достаточно полной информации, можно считать в наше время социально и морально оправданными. Все это показывает, сколь велика роль ученых в современном мире. Ибо как раз они обладают теми знаниями и квалификацией, которые необходимы ныне не только для ускорения научно-технического прогресса, но и для того, чтобы направлять этот прогресс на благо человека и общества.

Список использованной литературы:

1. Арндт Х. *Vita aktiva*, или О деятельности жизни. Перевод с английского. – М.: Идея – Пресс, 2000. – 290 с.
2. Введение в философию: учебное пособие для вузов / Авторский коллектив: Фролов И.Т. и др. – II изд., переработано и дополнено. – М.: Республика, 2002. – 623 с.
3. Ленк Х. Ответственность в технике, за технику, с помощью техники // *Философия техники в ФРГ*. – М.: Прогресс, 1982. – 390 с.
4. Митчем К. Что такое философия техники? – М.: Аспект – Пресс, 1995. – 290 с.
5. Новая философская энциклопедия. Том IV. – М.: Мысль, 2001.